

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
И ЕЕ ИСТОРИКИ

Экономическая наука как самостоятельное направление научных исследований появилась в России во второй половине XVIII в., что в целом соответствовало мировому развитию экономической мысли. Как известно, термин "экономист" возник во Франции в рамках школы Ф. Кенэ. На рубеже XVIII и XIX вв. экономическая наука благодаря влиянию книги А. Смита была признана самостоятельным направлением научного знания, и в академиях наук появились в соответствующие отделения, а с начала XIX в. она стала преподаваться в университетах.

Вместе с тем экономическая мысль существовала с древнейших времен, но как часть учения об управлении либо семьей, домом (что собственно и означает буквальный перевод слова "экономика" - домоводство, домострой), либо государством, которое тоже трактовалось как большая семья во главе с отцом - государем. Были сочинения на эту тему и в России - достаточно вспомнить "Домострой" Сильвестра или "Благохотящим царям правительница и землемерие" Ермолая-Еразма, написанные в первой половине XVI в. Отдельные вкрапления экономической мысли присутствовали и в более ранних социально-политических и религиозных сочинениях русских мыслителей.

Отставание социального развития России от Западной Европы сказывалось и на развитии ее экономической мысли, хотя, как мы увидим далее, этот разрыв постепенно сокращался. Так, идеи меркантилизма, формировавшегося на Западе с XV в., стали распространяться в России только в середине XVII в., в царствование Алексея Михайловича. Проводником их был А. Ордин-Нащокин. Положения меркантилизма получили дальнейшее развитие в эпоху Петра I и присутствовали в российской литературе до конца XVIII в., но концепция меркантилизма не стала в России господствующей в силу незначительной роли внешней торговли в ее народном хозяйстве. Поэтому в экономической мысли России в значительной степени продолжала развиваться линия, трактовавшая экономику с позиций домоводства (например, управления феодальным имением) и государственного управления. Здесь можно отметить сочинения Ю. Крижанича, И. Посошкова, В. Татищева, А. Волынского и ряда других. Для этих сочинений характерно рассмотрение всех сторон частного или народного хозяйства (а не только внешней торговли) и трактовка богатства не как денег, а как потребительских благ.

Следующим после меркантилизма этапом развития мировой экономической мысли была классическая политическая экономия. Она стала формироваться еще в недрах меркантилизма со второй половины XVII в. (У. Петти) и получила широкое признание лишь во второй половине XVIII в. в лице физиократов и А. Смита. Как было сказано выше, именно она дала экономической науке самостоятельный статус. Во второй половине XVIII в. классическая политэкономия, сначала в виде теории физиократов, а затем и теории А. Смита, проникла и в Россию и господствовала здесь, как и во всем мире, до конца XIX в.

Своеобразие российской экономической мысли этого периода, второй половины XVIII - первой половины XIX в., состояло в том, что она существовала как бы в двух плоскостях. С одной стороны, в России была

академическая, университетская экономическая наука, которая соответствовала по своей тематике классической политэкономии, пришедшей с Запада. Имелась достаточно оперативная информация о последних новинках западноевропейской экономической литературы, были прямые контакты с западноевропейскими учеными, часть российских студентов и "аспирантов" училась за рубежом. Правда, собственных оригинальных теорий в рамках классической политэкономии российские экономисты почти не выдвигали, а преимущественно перерабатывали иностранную литературу. Но в таком же положении было большинство стран Европы и Америка, ведь теоретиками классической политэкономии были англичане и французы, поэтому естественно, что теория соответствовала уровню развития экономики Англии и Франции, занимавших первое и второе место в мировом хозяйстве. Предметом изучения была сфера производства; в отношении экономической политики господствовала концепция "экономического либерализма", предполагавшая свободу предпринимательства и невмешательство государства. С другой стороны, реальная хозяйственная жизнь России не соответствовала тематике и принципам классической политэкономии. Поэтому существовал другой слой российской экономической литературы, где поднимались проблемы, актуальные для народного хозяйства России и характерные в основном для сферы обращения: денежное обращение, кредит, финансы, внешняя и внутренняя торговля, а также наиболее острая социально-экономическая проблема - крепостное право. Однако и здесь сказывалось общее влияние идей "экономической свободы".

Итак, экономическая наука начала развиваться в России во второй половине XVIII в. В это время в стране наблюдался экономический и культурный подъем. Абсолютная монархия принимала форму "монархии просвещенной". Уже при Елизавете Петровне был основан Московский университет. Еще больше "просвещение" поощрялось при Екатерине II, лично общавшейся и переписывавшейся с европейскими "князьями науки" (Дидро, Вольтером, д'Аламбером и др.). В Россию вместе с идеями французских философов-просветителей проникает и теория физиократов. С благословения Екатерины II и по аналогии с парижским "клубом экономистов" (физиократов) в 1765 г. в Петербурге создается Вольное экономическое общество. В образованной части российского общества стал шириться интерес к изучению экономических отношений. Неслучайно в предисловии к первой части "Трудов Вольного экономического общества" это время было названо "экономическим веком". Правда, теоретическая часть учения физиократов прошла в российской экономической мысли "по касательной", и Вольное экономическое общество занималось в основном прикладными проблемами сельского хозяйства. Однако именно в России в самом начале XIX в. теория физиократов получила неожиданное продолжение. Менее двух десятилетий назад стало известно, что профессор Харьковского университета Иозеф Ланг в самом начале XIX в. развивал дальше знаменитую "таблицу Кенэ". Молодым человеком он прибыл из Германии и, став в 1803 г. адъюнктом только что открытого Харьковского университета, связал свою дальнейшую жизнь с Россией. В работах "О высшем принципе политической экономии" (1807) и "Основные направления политической арифметики" (1810) И. Ланг анализировал разные варианты трехсекторных моделей межотраслевого баланса, а в

книге "Что есть деньги?" (1815) разработал четырехсекторную модель экономики, в рамках которой анализировал потоки товаров и услуг между "производителями первичных продуктов", "промышленным классом", "коммерческим классом" и "политическим классом". К сожалению, работы И. Ланга не получили известности и не оказали влияния на развитие русской экономической мысли.

В целом же с начала XIX в. мировая и российская экономическая теория развивалась "под знаком Смита". Его "Богатство народов" было переведено в 1802-1806 гг. на русский язык, причем за государственный счет, так как политическая экономия, ставшая с начала XIX в. самостоятельным предметом в российских университетах, преподавалась "по Смиуту". В рамках этого предмета уже зарождалась история экономических учений, которой была посвящена одна из пяти частей "Богатства народов", включавшая, правда, только школы меркантилистов и физиократов. Интересно также, что при жизни А. Смита с ним имели личный контакт два студента из России - И. Третьяков и С. Десницкий, обучавшиеся в 1760-х годах в университете Глазго, где Смит читал нравственную философию, впоследствии сами преподававшие в Московском университете.

Первая половина XIX в. в русской экономической мысли прошла исключительно в рамках классической политэкономии. Правда, Смит постепенно становился как бы символом общего направления, а российские экономисты уже оперировали с теориями его западноевропейских последователей. С 20-х годов XIX в. главным авторитетом становится Ж.Б. Сэй и остается им до начала 40-х годов. Популярен был также Т.Р. Мальтус, в меньшей степени Д. Рикардо и другие западные ученые. Одновременно в рамках классической политэкономии как на Западе, так и в России развивалось критическое направление, соединявшее принципы классической политэкономии с идеями социализма.

Рассматривая развитие экономической науки в России первой половины XIX в., нужно учитывать не только тенденции в мировой экономической мысли и потребности российского народного хозяйства, но и изменения политической ситуации в стране. В целом их можно охарактеризовать как нарастание реакции. Если начало XIX в. характеризовалось как "дней Александровых прекрасное начало", возврат просвещения и либерализма (после относительно недолгого периода реакции конца царствования Екатерины II и Павла I) и обширный план реформ М. Сперанского, то после войны с Наполеоном, когда Александр I все больше переключается с мыслей государственных на религиозные, а знаковой фигурой второго этапа его царствования становится Аракчеев, в сфере образования также появляются зловещие фигуры вроде попечителя Казанского университета М. Магницкого, устраивавшего во дворе костры из крамольных, по его мнению, книг. В этот же период формируется движение будущих декабристов, многие из которых увлекались политэкономией, не без влияния прогрессивного профессора Порошина. После восстания декабристов и восшествия на престол Николая I консерватизм правления усиливается, после польского восстания 1830 г. и европейских революций 1848 г. наступает самый консервативный период его царствования. Одновременно у Николая I нарастает желание изолировать страну от разлагающего влияния Запада. Выдвигается официальная доктрина: "православие, самодержавие, народность". С этого времени большую

роль в духовной жизни начинает играть идея российской самобытности, приобретающая затем самые разные оттенки. В сфере образования возрос государственный контроль за университетами, например, в 1849-1850 гг. было даже запрещено преподавать государственное право европейских стран и философию. Преподавание политической экономии продолжалось, но здесь усиливался консервативный настрой.

Новый этап развития социально-экономической мысли России начался в царствование Александра II. Первые ростки ее в 1855-1856 гг. были еще довольно робкими. «...Программы, которые от общества исходили в то время, были совершенно единодушны, - принадлежали они умеренным либералам, каким был умерший в октябре 1855 г. Грановский, или будущим радикалам, как Чернышевский... Все эти программы, как скромно сформулировал это в 1856 г. Чернышевский, сводились к одному и тому же: все желали распространения просвещения, увеличения числа учащихся и учащих, улучшения цензурных условий..., постройки железных дорог - важнейшего средства к развитию промышленности, наконец, "разумного распределения экономических сил"»¹. Но уже на рубеже 1850-60-х гг. происходит значительная активизация и поляризация российской интеллигенции, и в частности представителей российской классической политэкономии: от либералов, выступающих за активное развитие капитализма в России, - И. Бабста, И. Горлова, И. Вернадского, В. Безобразова, Н. Бунге - до социалиста Н. Чернышевского, стремившегося создать "политэкономия трудящихся". Следует отметить, что российские экономисты-либералы того периода отличались от своих предшественников первой половины XIX в. (Шторха и др.). В то время как те были в определенной степени противниками индустриализации России и выступали за ее аграрную специализацию в мировом хозяйстве, либералы 1860-х годов считали необходимым развивать российскую промышленность. Будучи университетскими профессорами, они тем не менее уделяли большое внимание практическим вопросам экономики России. Активное развитие капитализма в России во второй половине XIX в. привело, наконец, к слиянию теоретического и практического пластов русской экономической мысли. Их единым предметом становится сфера производства. Но парадокс заключался в том, что в мировой экономической науке теоретическое развитие политэкономии завершилось в середине XIX в. Один из последних ее теоретиков, Дж. С. Милль, писал, что "в законах стоимости нет ничего, что осталось бы... выяснить современную или любому будущему автору"². И хотя итоговая работа Дж.С. Милля "Основы политической экономии" (1848) легла в основу преподававшейся до конца XIX в. классической политэкономии, в ней уже были элементы, получившие впоследствии развитие в теориях неоклассиков и институционалистов.

В России классическая политэкономия в целом также господствовала до конца XIX в., получив дополнительный стимул от развивавшегося российского капитализма. В частности, в 1860-70-е годы сформировалась "киевская школа", составившая серьезную конкуренцию экономистам Петербурга и Москвы. "В этот период на Украине и в Южной России развитие производительных сил промышленности шло быстрыми темпами. Помещичье хозяйство успешно перестраивалось на капиталистический лад. В обстановке формирования и роста крепких

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. С. 203.

² Милль Дж.С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. II. С. 172.

крестьянских хозяйств процесс распада общины шел интенсивнее, чем в Центральной России. Киевские профессора чутко улавливали происходящие перемены, приспособлялись к ним свои социально-экономические взгляды и пытались в современном духе воспитывать молодые умы"³. У истоков "киевской школы" стояли Н. Бунге, А. Антонович, Д. Пихно. "Киевская школа" основное внимание сосредоточила на проблемах ценообразования в связи с изменением спроса и предложения.

Однако в то же время, начиная с 1860-70-х годов, в России все больше начали распространяться идеи исторической школы Германии, которая, критикуя классическую политэкономия, утверждала, что нет единых универсальных экономических законов и что каждая нация имеет свою самобытную экономику, которую должна изучать национальная экономическая наука. В России эти положения ложились на хорошо подготовленную почву. Как уже говорилось выше, идея о российской самобытности и противопоставление «благополучной» России "загнивающему" Западу стали официальной доктриной в царствование Николая I. Криком души прозвучало "Философическое письмо" (1836) П. Чаадаева, который, бросившись в другую крайность, обрисовал Россию, ее историю и культуру только черной краской. Ответная реакция, причем не только со стороны властей, официально объявивших П. Чаадаева сумасшедшим, но и со стороны части интеллигенции, не замедлила сказаться - в 1839 г. появилось движение славянофилов во главе с А. Хомяковым, братьями Киреевскими и братьями Аксаковыми, которое, хотя и дистанцировалось от доктрины "официальной народности", также выступало под лозунгом российской самобытности. В противовес им появилось движение "западников" (А. Герцен и Н. Огарев, В. Белинский, Т. Грановский и др.), утверждавших, что Россия развивается по единым общемировым законам и лишь отстает от Запада.

Наиболее общей причиной появления в России и славянофилов, и западников был поворот в мировой философской и социальной мысли в начале XIX в. от рациональной философии французских просветителей к новому течению романтизма, где тон задавали немецкие философы-идеалисты. Рациональное философское познание сменялось, по выражению Гегеля, познанием "поэтическим и пророческим". В отличие от философа-просветителя, занятого поисками общих законов и схем, философ-романтик упивался множественностью реальностей, в частности, если прошлые формы общественных отношений отвергались рационалистами как несовершенные, то романтики проявляли большой интерес к истории. Таким образом, и русские славянофилы, и русские западники были романтиками, только одни идеализировали Россию, а другие Запад. Именно романтизм привел к тому, что западник А. Герцен после эмиграции в 1847 г. на Запад при непосредственном знакомстве с ним разочаровался, обвинил его в бездуховности и, обратившись к идее российской самобытности и теориям социализма, стал родоначальником теории "русского социализма", утверждавшей возможность построения в России социализма, минуя капитализм, благодаря наличию здесь крестьянской общины. Последователями этой теории были Н. Чернышевский и народники. Таким образом, в России с середины XIX в. образовалось уже два течения "самобытников" - соответственно правого и

³ Аникин А.В. Путь исканий. М.: Политиздат, 1990. С. 329.

левого толка. Дополнительную подпитку славянофильские настроения получили в 1880-е годы с начала царствования Александра III, симпатизировавшего этим идеям. Известное стихотворение Ф. Тютчева "Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...", выразившее общественные настроения того времени, было написано по случаю бракосочетания Александра III.

Как уже было сказано, идеи исторической школы (или, как ее еще называли, "реальной", в противовес "абстрактной" классической политэкономии) стали распространяться в России в 1860-70-е годы и наибольшего расцвета достигли в 1880-е годы, хотя и позже это течение продолжало существовать. Сторонники исторической школы не были однородны в своих взглядах и тематике исследований. Определенная часть университетской профессуры — А.И. Чупров (в конце своей деятельности), Н.А. Каблуков, А.С. Посников, Н.А. Карышев, И.И. Иванюков и др., - симпатизировавшая народникам⁴, большое внимание уделяла "крестьянскому вопросу", развивала земскую статистику. (Опора на статистические данные была одной из новых существенных черт исторической школы.) Наиболее последовательным представителем исторического метода того периода можно назвать И. Иванюкова ("Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений", 1885). Другие сторонники исторической школы интересовались прежде всего государственным регулированием экономики. Если классическая политэкономия, исходя из первичности "экономического человека" и его интересов (по сравнению с интересами общества), выдвигала концепцию "экономического либерализма", предполагавшую невмешательство государства в предпринимательскую деятельность, то историческая школа, ставившая интересы общества, нации выше интересов личности, считала, что государство, выступая от лица общества, может и должно вмешиваться в экономику. Государственная деятельность в экономике рассматривалась представителями исторической школы в различных аспектах. Так, С. Витте, юность которого прошла под влиянием его дяди, известного славянофила, генерала Фадеева, уже в первых своих работах "Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов" (1883) и "Национальная экономия и Фридрих Лист" (1889) заявил о своей приверженности исторической школе. Его интересовала прежде всего государственная политика, стимулирующая развитие экономики, в частности промышленности и внешней торговли, что и получило затем практическое воплощение в его деятельности на посту министра финансов. В то же время, например, профессор Московского университета И. Янжул в теории и на практике занимался реформами в области социально-экономической политики, в первую очередь фабричным законодательством.

В 1890-е годы, когда в России происходил экономический подъем, характеризовавшийся небывало высокими темпами роста, в российскую экономическую науку бурным потоком вливается марксизм. Из наиболее крупных марксистских экономистов-теоретиков 1890-х можно назвать П. Струве, М. Туган-Барановского, В. Ленина (писавшего в основном под псевдонимом "Ильин") и С. Булгакова. В теории марксизм опирался на

⁴ Народники тоже имели своих теоретиков. В конце XIX в. среди экономистов здесь можно выделить Н. Даниельсона, писавшего под псевдонимом "Николай-он", и В. Воронцова (псевдоним В.В.), а среди философов - Н. Михайловского.

классическую политэкономия, а с точки зрения вечной для России дилеммы "западники - славянофилы" представлял западническую позицию, утверждая, что законы марксистской политэкономии едины для всех стран в противовес другому социалистическому течению - народникам, считавшим, что развитие промышленного капитализма навязывается России искусственно. Поэтому основная часть экономических произведений марксистов и народников 1890-х годов посвящена дискуссии о развитии капитализма в России. Теоретической основой этого спора была проблема общественного воспроизводства. В 1980-х годах появляются также первые работы российских маржиналистов, которые, правда, еще "не делают погоды" (монографии В. Залесского, Р. Орженцкого, одна из статей М. Туган-Барановского).

Рубеж XIX и XX вв. был для российской экономической науки не только календарной датой, но и временем, когда она, перестав быть "догоняющей", вышла на мировой уровень. Это означало, что российские ученые, наряду с учеными ряда других стран, стали выдвигать оригинальные экономические теории, получавшие признание во всем мире. Такой была, в частности, первая в мировой экономической науке эндогенная теория экономического цикла, разработанная М. Туган-Барановским в работе "Периодические промышленные кризисы" (1894). Следующим известным теперь во всем мире российским экономистом был В. Дмитриев. В своей работе "Экономические очерки" (1904) он высказал две оригинальные идеи в теориях межотраслевого баланса и монопольных цен, оцененные, правда, уже после его смерти. В. Дмитриев, как и М. Туган-Барановский, уже отчасти использовал теорию маржинализма, которая получила в начале XX в. в России широкое распространение. На позиции маржинализма перешла, в частности, "киевская школа", наиболее значительными представителями которой в этот период стали А. Билимович и Е. Слуцкий. "Теоретическую концепцию Билимовича по ее законченности и логической отточенности можно сравнивать с лучшими образцами западноевропейских теоретических исследований", - писал немецкий историк экономической мысли Х.-Ю. Серафим⁵. Понятие же "уравнение Слуцкого" (1915 г.) вошло в мировую экономическую науку. В Петербурге и Москве были опубликованы маржиналистские работы В. Войтинского "Рынок и цены" (1906) и Н. Шапошникова "Теория ценности и распределения" (1912). И это далеко не полный перечень российских маржиналистов начала XX в. Последней российской фундаментальной работой этого направления были опубликованные в 1919 г. в Саратове "Очерки по теории цены" Л. Юровского.

Одновременно с самого начала XX в. разворачивается кризис российского марксизма, который разделился на "критический" и "ортодоксальный". Вначале такие видные теоретики российского марксизма, как П. Струве, С. Булгаков, М. Туган-Барановский (а среди философов - Н. Бердяев и С. Франк), пытались преобразовать марксизм, в значительной степени на философской основе неокантианства, а затем окончательно от него отошли. С. Булгаков ("Философия хозяйства", 1912)

⁵ Seraphim H.-J. Versuch einer systematisierung der russischen Nationaloekonomie. Archiv fuer Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1927. Bd. 57. S. 216.

и П. Струве ("Хозяйство и цена", 1913-1916)⁶ стали представителями институционализма. М. Туган-Барановский, которого в целом трудно отнести к какому-то одному направлению экономической науки, в эти годы также выдвигает институционалистскую "социальную теорию заработной платы", получившую дальнейшее развитие в работах С. Солнцева. Интересные мысли институционалистского характера высказывал также известный статистик А.А. Чупров, сын А.И. Чупрова. Идеи российских институционалистов, прежде всего П. Струве и М. Туган-Барановского, также получили известность в мировой экономической науке.

Последний, уже переходный этап относительно свободного развития русской экономической мысли представляли 1920-е годы. После октября 1917 г. часть крупных экономистов-немарксистов оказалась в эмиграции. Например, из упомянутых выше маржиналистов эмигрировали В. Войтинский и А. Билимович, продолжив плодотворную научную деятельность за границей, а Н. Шапошников, Л. Юровский и Е. Слуцкий остались в России и работали в советских учреждениях, занимаясь, правда, прикладными экономическими вопросами. Большевики в 1920-е годы относились к ним хотя и неприязненно, но терпимо, что нельзя было сказать об отношении к институционалистам, которые занимались трактовкой социальных отношений. С. Булгаков был выслан в числе большой группы мыслителей. С. Солнцев со временем вынужден был перейти на марксистские позиции, П. Струве эмигрировал (М. Туган-Барановский умер в 1919 г.).

Но несмотря на сложные материальные и политические условия, русская экономическая мысль развивалась довольно успешно. Прежде всего следует отметить работы Конъюнктурного института во главе с учеником М. Туган-Барановского Н. Кондратьевым, где собрался коллектив талантливых ученых (в частности, сюда переехал из Киева Е. Слуцкий). Работы института высоко котируются во всем мире. Наиболее крупным результатом следует назвать открытие Н. Кондратьевым "больших" экономических циклов и их частичное теоретическое обоснование.

Советская экономика 1920-х годов была, с одной стороны, рыночной, что давало основание для функционирования Конъюнктурного института, с другой стороны, уже развивалась плановая деятельность в форме индикативного планирования, к которому западные страны пришли только после Второй мировой войны. В рамках этой плановой деятельности успешно разрабатывалась теория межотраслевого баланса. Здесь можно назвать ряд статей, начиная с Л. Крицмана (1921) и заканчивая М. Баренгольцем (1928), включая статью В. Леонтьева (1925). В 1926 г. группой исследователей под руководством П. Попова была разработана межотраслевая модель народного хозяйства с использованием реальных статистических данных. В 1927-1928 гг. В. Базаровым и Г. Фельдманом были созданы одни из первых в мире модели экономического роста.

Еще одним достижением русской экономической мысли были исследования "организационно-производственной школы" (Челинцев, Чаянов, Макаров, Рыбников, Минин), зародившейся еще до революции и исследовавшей аграрные отношения. В 1920-е годы лидером ее стал А. Чаянов. Наиболее интересным направлением исследований этой школы

⁶ Кроме того, еще в 1900 г. в серии статей в журнале "Жизнь" П. Струве выдвинул оригинальную теорию "идеальных типов хозяйства".

стала теория трудового семейного хозяйства, в котором, в отличие от капиталистической фирмы, целью является не максимизация прибыли, а то, что А. Чаянов назвал "трудопотребительским балансом", т.е. занятость и потребление членов семьи. Теория трудопотребительского баланса представляла собой, как писал А. Чаянов, "последовательное развитие положений Госсена–Джевонса" и была основой для расчета оптимальных размеров крестьянского хозяйства. В дополнение к ней "организационно-производственной школой" разрабатывались теории кооперации и оптимального размещения сельскохозяйственного производства. Все эти теории получили "второе рождение" и мировое признание в 60-х годах XX в.

Но относительно терпимое отношение к немарксистским экономическим теориям закончилось в 1929 г. под давлением И.В. Сталина. Для экономистов-немарксистов оставалось две альтернативы - тюрьма (где оказались Н. Кондратьев, А. Чаянов, Л. Юровский и др.) или смена рода деятельности (как у Е. Слуцкого, ставшего "чистым" математиком). В тюрьме Н. Кондратьев пытался написать научный труд, обобщающий основные идеи современной ему мировой экономической науки. В нем предполагалось три части: экономическая статика, экономическая динамика и экономическая генетика. "Экономическая динамика" должна была состоять из трех подразделов, посвященных теории средних циклов, теории больших циклов и теории экономического роста (оригинальную модель экономического роста Н. Кондратьев также разработал в тюрьме). Итоговая работа ученого предполагала также синтез маржиналистской и институционалистской теорий. "Введение" к этой работе (единственно уцелевшее и по объему сопоставимое с солидной монографией) написано в институционалистском ключе ("Основные проблемы экономической статистики и динамики", опубликовано в 1991). Первая и вторая части предполагали маржиналистский анализ, а третья - экономическая генетика - снова должна была опираться на институционалистскую теорию.

Последним достижением российской экономической науки в тот период было создание в конце 1930-х годов Л. Канторовичем теории линейного программирования - нового раздела в математической и экономической теории ("Математические методы организации и планирования производства", 1939). Обвиненный своими коллегами после доклада в Ленинградском университете в использовании "буржуазных" математических методов в экономике, Л. Канторович ушел в чистую математику и вышел из "научного подполья" только с наступлением хрущевской "оттепели" на рубеже 50-60-х годов. За это время, не зная о работе Канторовича, американец Т. Купманс пришел к тем же результатам. Заслуги обоих были отмечены совместной Нобелевской премией.

Что касается *истории экономической мысли*, то в России она стала предметом исследования в XIX в. В его первой половине можно было наблюдать лишь оценки теорий отдельных экономистов и школ. Только в 1858 г. в России появилось первое фундаментальное исследование в этой области - "Очерк истории политической экономии" И. Вернадского. Его автор в первой половине 1850-х годов был профессором политэкономии Московского университета, затем служил в Петербурге и издавал там еженедельный журнал "Экономический указатель", а в качестве

приложения к нему - журнал "Экономист". В своей книге И. Вернадский делил мировую экономическую мысль на два больших направления: "положительное", представители которого выступали за активную роль государства в экономике, и "отрицательное", представители которого такую роль государства отрицали и полагались на действие естественных экономических законов. Позиция самого Вернадского заключалась в том, что деятельность государства в народном хозяйстве допустима, если она не идет в разрез с объективными экономическими законами, в противном случае деятельность государства является "искусственной организацией хозяйственных отношений".

К "положительному" направлению он относил меркантилистов, более поздних сторонников протекционизма и социалистов, к "отрицательному" - физиократов, А. Смита и его последователей, которых в свою очередь подразделял на три линии: "промышленную" (от Ж.Б. Сэя до Ф. Бастиа), "фаталистскую" (Т.Р. Мальтус и его последователи) и школу Д. Рикардо, заканчивавшуюся Дж.С. Миллем. Интересно, что в своем подробном труде И. Вернадский отметил даже книгу предшественника маржинализма Г. Госсена. Правда, он не понял новизны его идей и отнес его к школе Рикардо. Отдельно от "положительного" и "отрицательного" направлений Вернадский выделил историческую школу Германии, а также "общественную" школу, куда он относил мелкобуржуазных критиков капитализма и основателем которой он называл С. Сисмонди.

И. Вернадский стремился давать объективные исторические оценки роли и значения теоретических школ и отдельных экономистов в развитии экономической науки. Например, по его мнению, меркантилизм "был делом исторически естественным, имел несомненно значение, важное по своим последствиям, и не его вина, если народы того времени не были готовы к другой, более разумной и более верной системе деятельности".

Как уже было сказано, с 60-х годов и до конца XIX в. в экономической мысли России происходит постепенное замещение классической политэкономии концепциями исторической школы, в 90-е годы происходит бурное, но относительно кратковременное распространение марксистской политэкономии, сменившейся в начале XX в. теориями маржинализма и институционализма. Распространение идей исторической школы стимулировало развитие среди российских экономистов исследований в области истории экономики и истории экономических учений. Здесь можно отметить работу профессора Московского университета И. Бабста "Изложение начал народного хозяйства" (1872), содержащую интересный очерк развития экономической науки. В 80-90-е годы XIX в. эти науки выделяются в университетах в самостоятельные учебные дисциплины.

Ведущим профессором Московского университета в это время был А. Чупров. В 70-е годы он стоял на объективистских позициях, выделяя в современной ему экономической мысли три основные школы: манчестерскую (классическая политическая экономия), социалистическую и историческую и утверждая, что "при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трех школ оказывается своя доля истины". Однако постепенно он становился все ближе к идеям исторической школы. В 80-х годах XIX в. начинают выходить литографированные тексты его лекций по истории политической экономии. Хотя он считал, что наука о законах народного хозяйства получила первую систематическую обработку в трудах физиократов и А.

Смита, свое изложение он начинает со значительно более ранних периодов, освещает экономическую мысль античного общества, средневековья, экономическую концепцию меркантилизма, а появление школы физиократов рассматривает как реакцию на идеи и политику меркантилизма. Курс А. Чупрова заканчивался изложением взглядов представителей новой исторической школы Германии во главе с Г. Шмоллером. В 1892 г. вышел учебник А. Чупрова "История политической экономии". Правда, здесь он значительно сузил рамки изложения, характеризуя только историю английской политэкономии и утверждая, что "политическая экономия по своему происхождению есть наука по преимуществу английская". В эти же годы публикуются также работы по истории политической экономии петербургского профессора И. Иванюкова. В начале XX в. можно выделить работы по истории экономических учений М. Туган-Барановского, А. Миклашевского и других авторов, но все они, начиная с И. Вернадского, не касались в своих работах истории экономической мысли России.

Тем не менее примерно с середины XIX в. в России начинает нарастать интерес к *истории отечественной экономической мысли*, начинают публиковаться произведения русских мыслителей прошлых веков, посвященные экономическим вопросам. Так, в 1842 г. выходит впервые "Книга о скудости и богатстве" И. Посошкова, написанная в 1724 г., в 1854 г. в журнале "Москвитянин" была напечатана "Инструкция" А. Вольнского и т. д. Тогда же появляется и научная литература, в которой делались попытки показать значение этих работ и место их авторов в развитии русской экономической мысли, а также давалось сравнение их взглядов со взглядами экономистов других стран. Из русских экономистов прошлых веков особенно большой интерес вызывал И. Посошков. Уже в XIX в. о нем появилась достаточно большая научная литература. Кроме того, в курсах политической экономии и истории экономической мысли, издававшихся во второй половине XIX в., библиографические списки имен и произведений известных западных экономистов стали дополняться именами и работами экономистов России. Первой попыткой обобщающего анализа истории русской экономической мысли была статья профессора Московского университета В. Лешкова "Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии", опубликованная в 1855 г. в юбилейном сборнике университета, где давалось сравнительное исследование трех произведений русской мысли прошлых веков - "Домостроя", "Книги о скудости и богатстве" И. Посошкова и "Инструкции" А. Вольнского. Затем было еще несколько статей, в которых речь шла об историческом процессе развития русской экономической мысли и делались попытки дать анализ некоторых этапов ее развития. В частности, можно назвать статью В. Гольцева "Движение русской экономической науки", напечатанную в третьей книге журнала "Русская мысль" за 1885 г., где дается беглая характеристика состояния русской экономической науки за 20 лет. В. Гольцев констатировал рост в России самостоятельных экономических исследований. Эпоха освобождения крестьян, отмечал он, вызвала усиленное внимание к экономическим вопросам и выдвинула писателей, которые могли бы занять почетное место и среди экономистов Запада - Н. Чернышевского, Н. Зиберы, М. Ковалевского, А. Чупрова.

Другим примером может служить серия статей под общим заголовком "Современные русские экономисты", опубликованная в "Научном

обозрении" за 1899 и 1900 гг. редактором этого журнала М. Филипповым. Он рассматривал экономические работы Н. Зибера, критику Ю. Жуковским К. Маркса, экономические взгляды Николая-она (Н. Даниельсона), Н. Михайловского, В.В. (Воронцова) и других народников, работы А. Чупрова. М. Филиппов констатирует наличие в русской экономической литературе определенной научной традиции, преемственности идей. Он отмечает также "параллели между развитием политической экономии у нас и на Западе, - параллели, не исключаящие, разумеется, и индивидуальных черт русской науки, находящихся в связи с особенностями нашего экономического быта и с особенными условиями развития у нас общественной мысли".

Следует также назвать статью М. Туган-Барановского в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1899 г., т. 55 - "Россия"), где рассматривается развитие экономической науки в России в XIX в., а также две главы по этой же проблематике в его фундаментальной монографии "Русская фабрика в прошлом и настоящем" (1898).

Отдельные статьи по истории русской экономической мысли публиковал В. Святловский, который в 1906 г. издал их в виде сборника "К истории политической экономии и статистики в России". Эта работа В. Святловского представляла собой первую попытку систематического обзора всей истории русской экономической мысли с древнейших времен. Данный сборник лег в основу его книги "История экономических идей в России" (1923). В нем история экономической мысли России доводится примерно до 80-х годов XIX в. (второй том работы Святловского издан не был).

В годы Первой мировой войны ряд видных русских экономистов (В. Железнов, А. Мануйлов, С. Булгаков и др.), объединившись в "Московском научном институте в память 19 февраля 1861 г.", решили подготовить фундаментальное научное многотомное издание "Истории экономической мысли" под редакцией В.Я. Железнова и А.А. Мануйлова. О планах научного коллектива В. Железнов писал следующее: «Все издание рассчитано на три тома, из которых первые два будут посвящены общей истории экономических учений, третий - судьбам экономических идей в нашем отечестве. Каждый том составит из ряда монографий, располагаемых в хронологическом порядке или - реже - систематическом (по школам и направлениям). Задача издания - исследование, а не популярная передача имеющихся научных выводов. И при этом исследование экономических идей, а не хозяйственного быта, который затрагивается лишь поскольку это необходимо для уяснения самих экономических учений, их происхождения и развития. Каждый том будет выходить отдельными выпусками... В настоящее время детально разработан и почти целиком распределен между сотрудниками только план первого и второго томов, причем по сравнению с обычными трактатами по истории политической экономии значительное место отводится в первом томе характеристике мало освещенных пока ранних эпох в развитии экономической мысли, а во втором - новейшим течениям, в частности школе предельной полезности, математическому направлению и иным "маржиналистам", а также современным методологическим исканиям». Однако из этих планов осуществилось очень мало. В конце 1916 г. успели выйти только выпуски 1 и 3 из первого тома, где были монографии В. Железнова "Экономические

воззрения древних греков", С. Булгакова "Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве" и П. Виноградова "Экономические теории средневековья". Задержавшийся выпуск с монографией П. Струве об экономических идеях эпохи эллинизма и древнего Рима уже не вышел. Не осуществилось, к сожалению, и издание третьего тома, посвященного истории экономической мысли России.

Последней улетающей ласточкой в истории экономической мысли дореволюционной России была работа В. Железнова о российской экономической науке XIX - начала XX вв., написанная как глава для коллективной четырехтомной монографии "Экономическая теория современности", изданной на немецком языке в Вене к 75-летию юбилею Ф. Визера в 1927 г. Рядом с именем В. Железнова здесь представлен целый ряд имен блестящих представителей мировой экономической науки: А. Афталион, А. Амонн, Д.Б. Кларк, Д.М. Кларк, Д.Р. Коммонс, К. Диль, Л. Эйнаути, Р. Эли, Ф. Феттер, И. Фишер, Э. Ледерер, Р. Лифман, Э. Линдаль, Л. Мизес, О. Морген-Штерн, Ф. Оппенгеймер, А. Пигу, Ж. Пиру, Й. Шумпетер, А. Вебер, К. Виксель и др. Очень важно, что авторы по истории отечественной экономической мысли – В. Святловский, М. Туган-Барановский, В. Железнов – сами были незаурядными учеными, оставившими заметный след в российской экономической науке. Поэтому их оценки, хотя они были и не беспристрастны, имеют особо весомое значение. Более того, они были современниками и участниками наиболее плодотворного периода этой истории - периода конца XIX - начала XX в., когда русская экономическая мысль перестала носить "догоняющий" характер и вышла на мировой уровень.

В. Железнов доводил изложение развития экономической мысли России до середины 20-х годов, когда творили такие титаны, как Н. Кондратьев или незаслуженно забытый экономист мирового уровня М. Бунятян. Удивительно точно звучат его заключительные слова: "Вот пути, по которым осуществляется развитие российских экономических учений в последнее время. В них еще живы старые традиции, идущие от декабристов, Герцена и Чернышевского, но в разработке проблем теоретической экономики они освободились в последнее время от прежних романтических склонностей, решая их трезвее и объективнее, при этом сохраняя строгость и чистоту метода, благодаря чему они приближаются к общим тенденциям развития экономической науки всего мира".